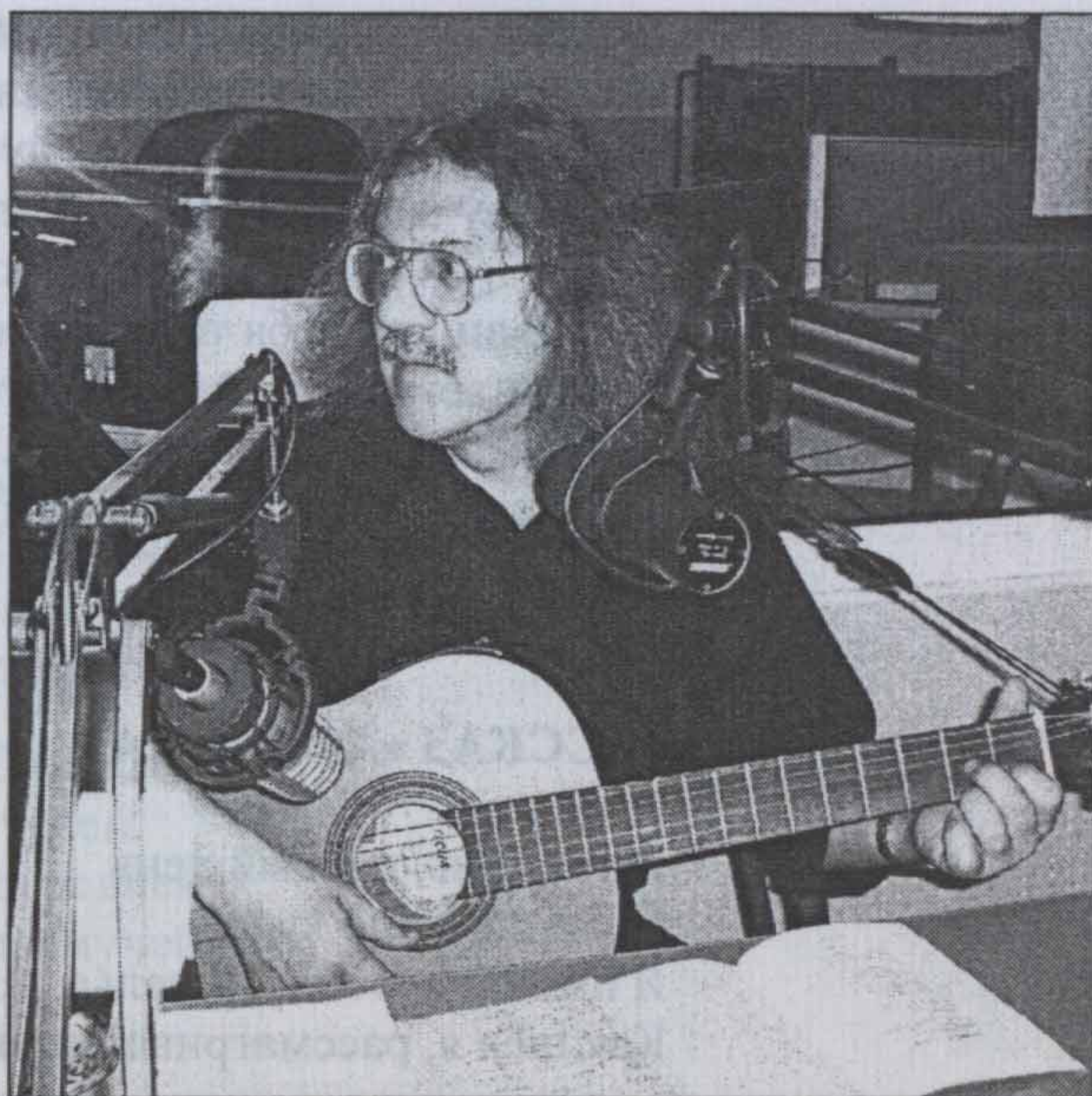

Александр Бобошко

Александр Семёнович Бобошко родился в 1953 году в Райчихинске. Окончил Хабаровский институт культуры. Работал режиссёром самодеятельных театральных коллективов, художником-оформителем.

Артист Амурской областной филармонии, корреспондент газеты «Аргументы недели». Член Союза писателей России, поэт, бард. Автор десяти сборников стихов и песен.

«По руке цыганка мне гадала...»

Пусто как-то и смутно в душе.
Бабье лето уходит уже.
Паутинка летит к облакам.
Сердце заперто в прочный капкан.

Мне и видеть тебя тяжело,
И не видеть тебя тяжело.
Ни веселье в душе, ни тоска.
Только жилка стучит у виска.

Вслед тебе я украдкой смотрю.
Не взрываюсь теперь, не горю.
Всех дороже ты раньше была.
Всё сгорело, осталась зола.

И не жду от тебя я звонка,
И не скажешь ты: «Милый, пока!»
Твою чёлку я не растреплю.
Всё прошло. Я тебя не люблю.

Вот как странно устроена жизнь:
В ссоре мы — хоть на рельсы ложись.
Это — раньше. Сейчас — ну и пусть,
Проживу как-нибудь, обойдусь.

Мне и видеть тебя тяжело,
И не видеть тебя тяжело.
Ни веселье в душе, ни тоска.
Только жилка стучит у виска.

РАССКАЗ «АФГАНЦА»

В тот день, первый день
На душе было худо.
Я помню колонну, ущелье, дорогу,
Как шёл я, рассматривал горы:

откуда

Афганские «духи» в нас выстрелить могут?

Эх, стать колдуном бы!
Эх, стать ворожеей!
Где враг притаился узнать, догадаться.
Вытягивал нервно я
тонкую шею.

Худой был, пацан.
Только стукнуло двадцать.

Хоть солнце мне било в глаза
И слепило —
На блеск и на шум реагировал шустро.
...В тот день, первый день,
никого не убило.

Живыми мы все возвратились
с дежурства.

Шутили за ужином мы
то и дело.

От хохота
Чай пузырился в стакане.
Но — шея моя,
ох, как шея болела!
И я растирал её нежно
руками...

**В ЗАЩИТУ РУССКОГО ЯЗЫКА,
который сегодня топчут русскоязычные**

Вместо сколько — «СКОКО».
Вместо «столько» — «СТОКО»...
Надоели реки
Мутного потока.

Надо позвонИть, но
Говорят: «ПозвОнишь».
Русь моя, очнись! Ты
В бескультурие тонешь.

Вместо ЧТО повсюду —
ЧЁ несётся тучей.
Пахнет ЧЁ деревней
Лапотной, дремучей.

Лексикон убогий.
Обожают очень
Говорить: «Такая,
Я такой. Короче».

Цепкие словечек-
Паразитов лапы...
Грустно мне, коль слышу
Через слово — «как бы».

Всё у вас неправда:
КАК БЫ вы поёте,
Любите вы КАК БЫ,
КАК БЫ вы живёте.

Примитивны речи,
Примитивны души.
Уберечься нечем —
Затыкаю уши.

По руке цыганка мне гадала:
Проживёшь, мол, жизнь ты мудрено.
Хоть талантов у тебя немало,
Стать тебе богатым — не дано.

Не получишь, проявив старанье,
Благодарность за свои дела.
Суждено тебе непониманье,
Недрузгов, завистников хула.

Будешь ты внимателен, участлив,
Но рука твоя — она не лжёт.
Вижу я: тебе не будет счастья.
Лучший друг обидит, обожжёт.

Многих женщин ты легко забудешь.
Панцирь у тебя на сердце, лёд.
А когда однажды сам полюбишь —
От тебя любимая уйдёт...

По руке цыганка мне гадала...
Я печали горькой не таю:
Для чего она мне рассказала
Жизнь уже прожитую мою?

СОПЛЕМЕННИКАМ

Чаще в зеркало смотрите,
Обернитесь на себя!
А увидевши, не врите,
Образ милый свой любя.
Что упали вы — признайтесь —
В самый низ, на жизни дно.
Правду сгладить не пытайтесь.
Вы рабы уже давно.

Вы, сутулясь неуклонно,
Не способны на подъём.
Вы стройны и утончённы
Только в зеркале кривом.

.....
От кривых зеркал нам, братцы,
Отказаться б и разбить.
Время кончилось — казаться.
Наступило время — быть!

Хватит ползать, пресмыкаться,
Угодив доллару в плен.
Нам бы надобно подняться,
Встать с мозолистых колен.
А не встанем — плохо будет.
Край родной попал в беду.
Вырождаемся как люди
В потребительском аду.

Смысла в жизни не находим,
Выживаем — не живём.
В гости мы почти не ходим.
Вместе песен не поём
И стихов мы не читаем.
От поэтов нам — тоска.
Мы людей определяем
По размеру кошелька.

Он уменьшен до купюры,
Современный этот мир.
К чёрту — Зевсы и Амуры!
Деньги — главный наш кумир!
Деньги — первая отрада.
Дифирамбы им поём.
Из-за них виляем задом
И любимых предаём.

Лица были, стали рожи.
Бог молчит, ни в зуб ногой!
Мы — народ великий всё же!
Лучшей участи другой
Заслужили мы. Нам горько.
Вот и горькую мы пьём.
А наутро с новой зорькой
Перемен с похмелья ждём.

Ей не хочется оптом товара
И вставать на работу с утра.
Ей бы — чтобы звучала гитара,
Барды пели в лесу у костра!

Снова — прибыль, накрутка, инвестор,
Первый сорт, поставщик-интриган...
Ей Рахманинов бы да оркестр,
Ей бы Штраус какой Иоганн.

Супермодная ходит такая!
Вкус имеет и деньги притом.
Ей бы дома — не крик попугая,
Ей бы дома — мужской баритон.

Шлёт один эсэмэски, приветы,
А другой к ней в постель норовит.

И всё кажется ей — больше нету
Ни романтиков и ни любви.

Ну какие там, к чёрту, гитары,
Песни, сосны? Мужчины летят
В кабаки, казино и пивбары,
В Интернете по суткам сидят.

У подружки стрельнёт сигарету,
Скажет хмуро, глазами кося,
Что мужской популяции нету
На планете. Повывелась вся.

Хорошо ей с подружкой Алёной!
Вечерами молдавское пьют...
Снег растает. Мир станет зелёным.
У костра снова барды споют.

Будет мир и пикантным, и пресным,
И ласкать, и лупить по мозгам.
Вновь Рахманинов будет с оркестром,
Будет Штраус меньшей Иоганн.

ВАХТАНГУ КИКАБИДЗЕ

«Мои года — моё богатство» —
Так Кикабидзе пел Вахтанг.
Я не согласен с ним, и баста!
В моём понятии — всё не так.

«Мои года — моё богатство...»
Какой, пардон, слащавый бред!
Обилье лет — болезнь, лекарства,
Наличие всяческих диет.

Чем больше мы живём на свете —
Иллюзий меньше с каждым днём.
Мечты уходят те и эти,
Глаза не светятся огнём.

Года — они людей не красят,
С годами гаснет жар в крови.
Года — всё меньше дикой страсти,
Всепоглощающей любви.

Вахтанг! Богатства коль хотите,
Я к вам в Тбилиси прикачу —
Года мои себе берите
Бесплатно. Даже доплачу.

КОЛЛЕГАМ-ЛИТЕРАТОРАМ

В сердцах у нас огонь покуда не остыл,
За нами чёрт пока из пекла не приехал —
Займёмся делом без излишней суеты,
Без интереса к нашим собственным успехам.

Не надо конкурентов бить,
Стрелять, закатывать в бетон.
Не нам, а Времени судить —
Кто кем-то был и кто есть кто.

Ступень в искусстве. Сколько будет их в пути?
О том не думай и не жди хвалы, почёта.
Довольно глупо по ступенькам вверх идти
И заниматься одновременно подсчётом.

О славе нечего вопить:
«На месяц — ты, я — лет на сто!»
Не нам, а Времени судить —
Кто кем-то был и кто есть кто.

Художник истинный подсчёта не ведёт.
Подъём закончит — больше, кажется, нет мочи,
Но будет Главное: он вдруг парить начнёт,
Вещать с Творцом от всех землян уполномочен.

Всем впереди охота быть,
Но дело в том, всё дело в том —
Не нам, а Времени судить,
Кто кем-то был и кто есть кто.